

Чжу Цинхэ взял фонарик и положил его рядом, затем встал, собрал сухие ветки и листья, сложил их в кучу и поджег спичкой. Тусклый свет осветил их лица.

— В поле гораздо холоднее, чем дома, ты легко одет, берегись, не простудись. Ешь быстрее, закончишь — иди домой.

Жуань Му надул губы. Он из добрых побуждений принес человеку еду, а его тут же гонят. Однако ему нравилось ощущение, когда он был рядом с ним. Не нужно было разговаривать, и на душе становилось спокойно. Кто бы мог подумать, что человек, о котором он сожалел всю прошлую жизнь, теперь стоит перед ним — то хмурясь, то улыбаясь, каждое его движение было таким живым и теплым, таким, что западало в глаза.

А Чжу Юйтянь, вышедший прогуляться после ужина, подойдя к своему полю, увидел двух подростков, прячущихся здесь и обедающих. Ого, да еще и ребра с яйцами — настоящий пир! Он тут же фыркнул с презрением.

Чжу Цинхэ поднял глаза, взглянул на него, а затем снова опустил голову и продолжил есть. На что смотреть? Этот человек не стоил его внимания. Жуань Му даже не поднял головы. Вся эта семья была бесчувственной, и он боялся запачкать глаза, глядя на них.

Чжу Юйтянь не ожидал, что Чжу Цинхэ стал таким высокомерным. Его лицо омрачилось, он плюнул в сторону и ушел.

Жуань Му отчетливо увидел, как палочки в руке Чжу Цинхэ на мгновение замерли, а затем тот быстро доел свой обед, вытер рот и сказал:

— В поле страшно, возьми этот факел и иди домой. Я закончу поливать и вернусь. Скажи учительнице Ван, чтобы не волновалась.

Этот человек, даже когда ему больно, не позволяет себе показывать это. Какой упрямец. Жуань Му послушно взял коробку с едой и ушел. Пройдя несколько десятков шагов, он не удержался и оглянулся. Тот достал из-за пазухи коробочку, вынул длинную палочку и зажег ее от костра. Оказалось, это сигарета. Он медленно затягивался, курил. Ему было всего четырнадцать, но осанка казалась старческой, словно ему десятки лет. Его силуэт, освещенный огнем, излучал густую печаль, вызывающую жалость. Так и хотелось подойти, обнять его и сказать, что в будущем ему больше не придется беспокоиться, потому что он всегда будет рядом.

Но в конце концов Жуань Му стиснул зубы и, повернувшись, ушел. Он не хотел пугать Чжу Цинхэ. Этот сильный человек на самом деле был очень уязвим. Когда он, Жуань Му, снова обретет могущественную силу, он использует все самое лучшее, чтобы заслужить любовь Чжу Цинхэ.

В этой ночи, где слышалось только пение насекомых и журчание воды, он повторял одно и то же действие: закрывал и открывал водозабор. Даже ничего не деля, он чувствовал усталость. Когда до конца полива оставалась всего половина уровня, издали донесся громкий голос:

— Цинхэ, ты скоро закончишь?

Чжу Цинхэ пошевелил затекшим от долгого сидения телом, встал и, дождавшись, пока человек подойдет ближе, улыбнулся:

— Осталось еще половина.

Этого человека звали Цянь Даю. Он был закадычным другом Чжу Юйтяня, выросшим с ним вместе. Как говорится, рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше. Они были братьями одного нрава, оба ни на что не способные, любили хвастаться, драться и выпивать, часто сидели вместе и судачили о других. Чжу Цинхэ в душе ругал свою неудачу — как он мог столкнуться с таким человеком?

Цянь Даю потер руки и погрел их над огнем, затем пригласил Чжу Цинхэ сесть:

— Давай поговорим. Я сегодня перед тем, как вернуться домой, видел твоего отца. Весь в морщинах, выглядит на десяток лет старше. Он все время думает о тебе. Как ты можешь быть таким жестоким? Ты действительно собираешься стать врагом своим родителям? Когда женишься, разве ты сможешь обойтись без людей, которым будешь кланяться?

Услышав это, Чжу Цинхэ не хотел открывать рот, но не мог не ответить:

— Дядя, о чем вы говорите? Разве не лучше кланяться небу и земле? Если вы хотите говорить об этом, то лучше остановитесь, мне это неинтересно.

— Ого, мальчишка, а у тебя еще и характер есть! Как ты можешь быть таким неблагодарным? С твоим характером, кто в деревне отдаст за тебя свою дочь? Люди со стороны наведут справки — и тоже ничего не выйдет. Семья — это важно, понимаешь?

— В деревне много холостяков, и я не видел, чтобы кто-то умер с голоду. Дядя, спасибо за вашу заботу, но поговорим об этом, когда я вырасту. Может, однажды я разбогатею, и тогда ко мне сами потянутся.

Цянь Даю, смуглое лицо его на мгновение застыло, а затем он рассмеялся:

— Малыш, а ты еще и хвастун.

Чжу Цинхэ прошлой ночью вернулся домой, умылся холодной водой и упал на кан, сразу заснув. Если бы его не разбудил крик петуха, он бы сегодня опоздал в школу. Вчерашние лепешки он не доел, выпил чашку еще теплой воды, быстро поел, схватил рюкзак и ушел.

Еще не дойдя до двери класса, он увидел, что все одноклассники стоят снаружи, зажимая носы. Кто-то, заметив его, с отвращением посмотрел:

— Чжу Цинхэ, быстрее вынеси свои парту и стул, тут невозможно находиться!

— Точно, как мы будем учиться? Какое несчастье, что мы в одном классе с тобой.

Жалобы и презрительные взгляды, словно ножи, вонзались в Чжу Цинхэ. Он оставался спокойным, не обращая на это внимания. Пройдя сквозь толпу, он подошел к двери класса, где его встретил ужасный запах. Нахмурившись, он продолжил идти. Чем ближе к своей парте, тем сильнее становился запах. Вся поверхность стола, ящик и стул были покрыты толстым слоем коровьего навоза, который за ночь успел засохнуть.

В это время года часто дул ветер и шли дожди, поэтому после уроков окна и двери плотно закрывали. Запах, пропитавший класс за ночь, был невыносимым. Окна никто не трогал, так что, несомненно, кто-то в классе явно его недолюбливал.

Школьные издевательства существовали всегда, но в последующие десятилетия они только усиливались. Те, кто творил зло, разрушали последние крупинки самоуважения у своих жертв,

погружая их в бездну тьмы, исключая родителей и учителей. Человек боролся в одиночку, пока не терял силы. Чжу Цинхэ, проживший уже одну жизнь, не испугался таких мелких уловок. Он открыл все окна, схватил незапятнанный угол и вытащил парту наружу.

Жуань Му дома немного задержался с матерью, Ван Юнмэй. Они только что вошли в школу, как увидели, что Чжу Цинхэ тащит из класса стул. Удивленные, они подошли ближе и, разглядев, что на нем, оба резко изменились в лице. Жуань Му схватился за край одежды, словно хотел ее порвать.

Ван Юнмэй была в ярости. Она быстро подошла и строго спросила:

— Что здесь происходит?

Зная, что ответа не получит, она повернулась к учителю, стоящему позади:

— Соберите всех учеников. Такое отвратительное поведение должно быть строго наказано. Если все начнут так поступать, то зачем нам вообще быть учителями?

Чжу Цинхэ стоял в последнем ряду, слушая речь директора, а некоторые ученики продолжали бросать на него презрительные взгляды. На самом деле, одних только слов было недостаточно. Кроме послушных учеников, те, кто по природе своей был бунтарем или равнодушен к другим, не обратили бы на это внимания.

После собрания все разошлись по классам. Хотя запах в классе еще оставался, он стал гораздо слабее. Дети всегда копируют друг друга, и теперь они вдруг стали такими изнеженными. Учителя все еще были на совещании в учительской, и пока их не было, некоторые ученики вполголоса обсуждали произошедшее.

Жуань Му фыркнул с презрением:

— Ну и чистюли вы, волосы не моете, одежду не меняете. Кто-то утром даже лицо не умыл, следы слюны остались. Уже в средней школе, а все еще не стыдно.

Сын директора школы, никто не осмеливался перечить ему. Даже если в душе они были недовольны, никто ничего не сказал. Однако та девочка, на которую он указал, почувствовала себя виноватой и, опустив голову на парту, заплакала.

Дядя Ло, закупаая парты и стулья, специально купил несколько лишних, на случай если что-то сломается и не успеют починить. Поэтому он дал Чжу Цинхэ новую парту. Услышав слова Жуань Му, он улыбнулся. Этот мальчишка умел подмечать слабости других. В деревне люди действительно не одевались так нарядно, как в городе. Бедность была главной причиной. У некоторых семей одна и та же одежда носилась год за годом, становясь все более изношенной, поэтому стирали ее только тогда, когда она уже совсем не годилась. Перед ребенком, приехавшим из большого города, они уже чувствовали себя ущемленными, а теперь, когда их слабости были выставлены напоказ, для тех, кто понимал, что такое самоуважение, это стало огромной травмой и унижением.

Но даже если так, какое это имело отношение к нему? Отношения между людьми всегда взаимны. Если ты не добр ко мне, то и я не буду добр к тебе. Так было тысячи лет. Пережив слишком много боли, он не придавал этому большого значения. Однако он все же подтолкнул Жуань Му:

— Все-таки это девочка, не перегибай палку.

На лице Жуань Му мелькнуло недовольство:

— Заткнись. Ты, как всегда, готов защищать женщин. Если бы она тебя ударила, ты бы, наверное, еще и улыбнулся?

<http://bllate.org/book/16370/1480814>